

Р. С. АВИЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ:
«ШИТЭУЛИНСКИЙ ИНЦИДЕНТ» 1879 ГОДА

История русско-китайских отношений и русско-китайской границы во второй половине XIX в. к настоящему времени считается изученной достаточно хорошо, однако в реальности, более всего известна ее дипломатическая составляющая, представленная, прежде всего, блестящими работами В. С. Мясникова и В. Г. Дацышена¹.

Написанные на материалах центральных отечественных архивов, они дают прекрасную картину общей ситуации с историей русско-китайского территориального разграничения, но не затрагивают при этом значительного числа «частных эпизодов», мелких военных стычек, конфликтов и противоречий, которые в силу ряда особенностей региона происходили в Южно-Уссурийском крае с завидной регулярностью. А ведь именно на материалах истории этих событий и того, как местные власти собственными силами пытались решать проблемы, могущие иметь серьезные международные последствия, как раз лучше всего видно то, что обычно теряется при написании обобщающих работ.

Это и особенности функционирования органов местного военного (и не только) управления на Дальнем Востоке Российской

¹ Мясников В. С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). Хабаровск, 1997; Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX — начале XX века. Кызыл, 2001; Границы Китая: история формирования / Под ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М., 2001, и др.

империи, и состояние военно-транспортной инфраструктуры, и боевое применение войск в мирное время, и, умышленное или неумышленное, проведение военных операций на территории сопредельного государства без разрешения на то его властей.

Некоторые такие эпизоды имели далеко идущие последствия, и отсутствие даже упоминания о них в соответствующей литературе делает необходимой серьезную корректировку ряда выводов как советских, так и современных исследователей, причем не только относительно самих исторических событий, но и участвовавших в них действующих лиц. Например, И. В. Лукоянов дал крайне нелицеприятную характеристику «неважным служебным качествам» Н. Г. Матюнина, долгое время служившего Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае, опираясь практически исключительно на воспоминания В. А. Тихонова — лесничего (!), участвовавшего вместе с ним в экспедиции «безобразовцев» в Корею в 1898 г. Совместными усилиями лесничего и современного историка Н. Г. Матюнин, по данным на 1898 г. предстает перед нами как «новоявленный дипломат [...] тщеславный, надутый, “при совершенном умственном ничтожестве, полном невежестве и очень потрепанной этике”»². При этом остается загадкой, как такой человек умудрился более десятка лет быть Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае, участвовать в комиссиях по демаркации русско-китайской границы в 1877 г. и 1886 г., результатом деятельности которых до сих пор является участок границы от р. Туманган (Туманная) до оз. Ханка, и быть уважаемым китайцами настолько, что его неоднократно приглашал к себе для переговоров Нингутский футудун³, который, по своему статусу, мог вообще отказаться разговаривать с российским чиновником рангом ниже Военного губернатора.

Без знания таких событий невозможно понять и правильно оценить события, следовавшие за ними, многие из которых уже хорошо известны отечественным ученым. Например, почему Китай, долгое время почти не охранявший свою границу с российским Южно-Уссурийским краем, в 1881 г. вдруг неожиданно начинает ставить вдоль нее посты, причем практически исключительно напротив российских караулов? Проще всего объяснить это крайним ухудшением отношений двух стран из-за резкого обострения Кульджинского кризиса в 1879–1881 гг. и взаимной

² Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 506.

³ Мэйрэн-дзанчэн, Мэйрэн-чжан-гин.

подготовкой к войне, однако так ли это было на самом деле? Может быть, именно российские власти настаивали на постановке китайцами как можно большего числа военных постов, и, прежде всего, напротив российских караулов? Именно от таких деталей, в конечном итоге, зависит, ставит исследователь плюс или минус, давая характеристику дипломатическим отношениям двух стран.

Один из таких эпизодов имел место в 1879 г. До настоящего времени он мимоходом упоминался лишь в двух монографиях: первой, посвященной хунхузам как особой разновидности этнического бандитизма на Дальнем Востоке во 2-й половине XIX — начале XX в.⁴ и второй — истории создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России в тот же период⁵. В обоих случаях анализ этого эпизода укладывался в один — два абзаца и сводился к следующему: 24 июня 1879 г.⁶ погоня за одной из хунхузских шаек привела к столкновению Уссурийской казачьей конной сотни под командованием майора Ножина с отрядом китайских войск, которых командир сотни принял за хунхузов. Итогом столкновения были убитые и раненые со стороны китайцев и 4 раненых строевых лошади в сотне. Разразился международный скандал. В разборе инцидента с русской стороны принял участие Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюнин, а с китайской — особая комиссия. На переговорах 9 августа 1879 г. Матюнину удалось убедить китайцев, что злого умысла в действиях командира сотни не было, а произошло трагическое стечение обстоятельств. Однако российский МИД еще до получения официального отчета Матюнина выразил китайскому руководству сожаление о случившемся. После этого МИДом по соглашению с военным министром Д. А. Милютиным было «в принципе постановлено: заботиться исключительно об охранении нашей территории от вторжения шаек хунхузов, отнюдь не допуская, чтобы наши военные отряды переходили на китайскую территорию».

Другим последствием этой операции было то, что уже 24 сентября 1879 г. командир Уссурийской конной казачьей сотни майор

⁴ Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. С. 78.

⁵ Авилов Р. С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...»: История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток, 2011. С. 29.

⁶ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

Ножин вследствие поданного им на Высочайшее имя прошения был уволен в отпуск по болезни «в г. г. С.-Петербург и Кельцы, впредь до зачисления его по роду оружия согласно сделанному о сем представлению». При этом отпуск предписано было считать со 2 августа, т. е. с момента сдачи командования сотней. Последнее было «возложено на находившегося по делам службы в Приморской области, Адъютанта Командующего войсками округа, Войскового старшину Винникова». Смена командира сотни объяснялась, во-первых, международным скандалом, виновника которого было решено убрать подальше, чтобы не нервировать китайские власти, а во-вторых, окончанием десятилетнего периода его службы на Дальнем Востоке, дававшего офицеру право на соответствующую пенсию⁷.

Исчерпывающее описание, особенно если учесть, что за основу авторами было взято короткое сообщение из «Всеподданнейшего отчета по управлению Восточным Сибирским военным округом за 1879 год» и несколько приказов по войскам этого же округа. Об этом инциденте не любили вспоминать ни в России, ни в Китае, поскольку обе страны дорожили официальной многолетней дружбой. Именно поэтому он практически не известен не только широкому кругу интересующихся военной историей, но и узким специалистам. В литературе не удалось обнаружить даже упоминания его официального названия, применявшегося обеими странами при дипломатической переписке.

Что же в реальности произошло между русскими и китайскими войсками в 1879 г. и почему, какие последствия это происшествие имело, а главное — как из этой неординарной ситуации выходили русские военные и дипломаты, долгое время оставалось загадкой.

Осенью 2011 г. пятилетние усилия по поиску каких-либо документов, относящихся к этому делу, наконец-то завершились успехом. В фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока были обнаружены исчерпывающие материалы по этому вопросу, которые наконец-то позволяют рассмотреть его полно и всесторонне.

Особой удачей стало то, что весь массив документов (рапорты, доклады, телеграммы, дипломатическая переписка) оказался собранным в одном деле, хотя копии этих документов, практически наверняка, рассредоточены между тремя крупнейшими центральными российскими архивами в Москве и Петербурге (РГИА,

⁷ Авилов Р. С. Указ. соч. С. 29; Ершов Д. В. Указ. соч. С. 78.

РГВИА и АВПРИ). Последнее могло бы существенно усложнить работу по дальнейшему исследованию данного инцидента. Именно поэтому в статье был сделан упор на максимально возможное цитирование всех ключевых документов по этому делу, с целью введения в научный оборот как можно большего количества фактического материала. Это, во-первых, в перспективе может существенно облегчить работу специалистам по истории российско-китайских отношений, а во-вторых, отчасти предотвратит околосторонние спекуляции публицистов на данную тему.

* * *

Теперь несколько слов о терминологии. В подлинных документах того времени это событие фигурирует под несколькими названиями: «Шитэулинский инцидент», «сеча при местности Шитэулинь», «инцидент у Шитэулинского хребта», «столкновения в местности близ Шитэулинского хребта», «ошибочный случай, при Шитэулинской местности» и т. д. и т. п. Положение осложняется тем, что в рукописных документах этот термин встречается в двух написаниях: «Шитэулинь» и «Шитоулинь», причем практически с одинаковой частотой. В данной работе будет применяться именно термин «Шитэулинский инцидент» и именно в такой транслитерации, хотя уверенности в том, что она наиболее точно передает китайское название, нет. Похожая ситуация наблюдается и с написанием имен китайских чиновников и наименованием их должностей, которые иногда были неодинаково написаны даже в пределах одного документа.

* * *

3 июля 1879 г. во Владивостоке была получена крайне тревожная телеграмма командира Уссурийской конной казачьей сотни майора Ножина № 27 из с. Никольское, которая предназначалась Командующему войсками Приморской области (он же Военный губернатор этой области) и сообщала нечто совершенно небывалое. Из достаточно сумбурной, видимо, продиктованной уставшим, взволнованным, несколько дней добравшимся по уссурийской тайге до ближайшей телеграфной станции майором депеши следовало, что отряд от сотни, на которой лежала обязанность по охране русско-китайской границы на всем ее протяжении от оз. Ханка и до устья р. Тумень-ула и борьбе с хунхузами в близлежащих российских владениях, преследуя одну из таких банд, вторгся

на территорию Китая и по ошибке вступил в бой с отрядом маньчжурских войск, нанеся последним серьезные потери.

С момента присоединения по Пекинскому договору территории Южно-Уссурийского края к Российской империи в 1860 г. здесь было многое: в 1868 г. прокатилась Манзовская война⁸, в результате которой было сожжено несколько населенных пунктов и серьезно пострадало местное русское население, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. во Владивостоке и районе зал. Посылали ожидали высадки английского десанта, но чтобы воинская часть российской императорской армии вторглась на территорию Китая и изрубила там стоящие лагерем маньчжурские войска — такого еще не бывало.

«Преследуя хунхузов по указанию манз я прибыл сотней 29 июня местность Шитэулинзу, около 65 верст от Суифунского караула. — Телеграфировал командир Уссурийской конной казачьей сотни. — Дорогою поймано три хунхуза, которыми указано место их стоянки. Пойдя с ними скрытно на две с половиной версты мною была сделана тщательная разведка местности, [атаку] оказалось удобным произвести на рассвете, поэтому отступив на 7 верст [и] найдя [место] для ночлега я 30 числа в час ночи с отрядами выступил вновь для нападения. По заранее составленному плану действия в 200 саженьях от стана 1 и 2 взводы под командой сотника Павленко и хорунжего Токмакова пущены в атаку рассыпным строем, в право и лево; в середине третий взвод уступом под моей личной командой произвел атаку сомкнутым строем. Первая линия была встречена залпом из ружей. Лично я подсакивая со взводом [к] лагерю услышал голоса манджур, и затем различив несколько человек Манджурского войска, [в] том числе офицера, я сообразил ошибку [что произошло] нападение на манджуров вместо хунхузов, потому остановил взвод, начал подавать сигналы «стой» и «отбой» и послал несколько человек с приказанием остановить атаку. Действительно бой был немедленно прекращен. Сотня собралась и я хотел начать переговоры, но сильно возбужденное состояние Манджуров, быстрое их сборище с оружием заставило меня повернуть сотню [и] выйти из лагеря с тем, чтобы остановиться за лагерем. Требование же погнавшего меня их начальника во что бы

⁸ Такое название получило в историографии военное столкновение в Южно-Уссурийском крае между китайцами-золотоискателями, полностью игнорировавшими российское законодательство, и российскими сухопутными и морскими силами. Подробнее см.: Кондратенко Р. В. Манзовская война. Дальний Восток 1868 г. СПб., 2004; Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 165–167.

то ни было драться и продолжение сбора войска побудило меня не останавливаясь отступать. При схватке потери в людях с нашей стороны не было; ранены только четыре лошади. Потеря Манджур неизвестна, должна быть довольно значительна. Действовали исключительно холодным оружием. В предупреждении могущего явиться Манджурам желания отомстить на нашем населении понесенные ими потери побудили меня прибыть Суйфунский караул сделав [в] этот день переход [в] 70 верст. О чем доношу Вашему Превосходительству. Подробности будут изложены особом рапорте. Майор Ножин»⁹.

Поскольку произошедшее событие действительно являлось выходящим за все возможные рамки, то копию этой телеграммы немедленно отослали в г. Иркутск Командующему войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-адъютанту барону Платону Александровичу Фредериксу, а затем поставили в известность о случившемся всех, кто мог иметь к разрешению последствий этого происшествия хоть какое-то отношение, и, прежде всего, Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Николая Гавриловича Матюнина.

Любопытно в связи с этим отметить две детали. Во-первых, должность Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае появилась в результате Манзовской войны 1868 г., показавшей, что для ведения переговоров с местными китайскими властями с целью разрешения постоянно возникающих мелких вопросов (борьба с хунхузами, вопросы взаимной передачи преступников, миграции китайского населения и т. д. и т. п.) нужно особое должностное лицо, как наделенное особыми правами и полномочиями, так и обладающее определенными знаниями и подготовкой. В итоге 12 ноября 1869 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного совета об учреждении, «впредь до общего преобразования управления Приморскою областью Восточной Сибири», управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Сам комиссар и управление должны были находиться недалеко от зал. Посьета, подчиняться Военному губернатору Приморской области, а по дипломатическим вопросам обращаться напрямую к Приамурскому генерал-губернатору. Обязанности его определялись особой инструкцией генерал-губернатора, согласованной с МИДом¹⁰.

⁹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 25–29.

¹⁰ ПСЗ РИ II. Т. 44, № 47 653.

Во-вторых, создание в 1869 г. Уссурийской конной казачьей сотни «для охранения границ Южно-Уссурийского края» и борьбы с хунхузскими шайками тоже было прямым следствием Манчжурской войны 1868 г., показавшей жизненную необходимость иметь в крае мобильную и хорошо подготовленную в боевом отношении конную часть¹¹.

Вскоре после отправки телеграммы майор Ножин составил подробнейший рапорт с описанием всех произошедших событий. Из него становилось ясно, что 24 июня 1879 г. в посту Камень-Рыболов на юго-западном берегу оз. Ханка — месте постоянной дислокации Уссурийской конной казачьей сотни — ее командир получил известие об очередном нападении хунхузов. На этот раз пострадала корейская дер. Пуциновка (современный пос. Пуциловка, западнее г. Уссурийска Приморского края), где были ограблены местные жители и несколько человек убито и ранено.

Уже час спустя сотня выступила на перехват разбойников, причем план операции майор Ножин составлял буквально на ходу. Взвод в 25 человек под командой хорунжего Токмакова был отправлен границей через станицу Нестерову, место определенное для станции Фаддеевской и к Суйфунскому караулу (район современного пограничного перехода Полтавка Приморского края). Оттуда он должен был подняться вверх по р. Ушагоу (сейчас р. Гранитная) и если никаких данных о передвижении хунхузов получить не удастся, то, дойдя до поворота тропы от р. Ушагоу в дер. Пуциновку, повернуть на юго-восток и следовать горами к паровой лесопильне француза Фабра, находящейся между Пуциновкой и русско-китайской границей. В случае, если хунхузы еще не покинули российскую территорию, это позволило бы отрезать им путь отступления за границу и продолжить преследовать их в южном направлении, т. е. в сторону р. Суйфун (современная р. Раздольная, Приморский край).

Другие два взвода, под непосредственным командованием майора Ножина, выступили из Камень-Рыболова по почтовой дороге в с. Никольское (современный г. Уссурийск Приморского края), а оттуда в Пуциновку, предполагая встретиться по пути с отрядом Токмакова. В Никольское они прибыли 26 числа, переночевали и на рассвете, переправившись через р. Суйфун, добрались до Пуциновки. Там отряд узнал, что хунхузы ушли через границу в Китай, переправившись через р. Ушагоу недале-

¹¹ Историю ее создания и дальнейшей службы подробнее см.: Авилов Р. С. Указ. соч. С. 7–77.

ко фанзы Кун — в 25 верстах выше Суйфунского караула. Было принято решение продолжить преследование. Продвинувшись на расстояние около трех верст от станицы Алексей-Никольской, отряд встретил нарочного, отправленного хорунжим Токмаковым из Суйфунского караула с донесением, что хунхузы действительно перешли границу около фанзы Кун и теперь находятся в со-рока восьми верстах к северо-западу от караула.

Получение более точных данных о местонахождении разбойников изменило первоначальные планы майора Ножина, и его отряд отправился к Суйфунскому караулу, куда и прибыл 27 июня около двух часов пополудни. Для проверки имеющихся сведений командир сотни собрал хозяев всех окрестных фанз на р. Ушагоу, которые и указали, что «хунхузы в настоящее время могут быть только в местности Шитэулинца в 80 верстах от караула к Северо-Западу». Те же сведения привез и специально посланный в фанзу Кун разъезд. Однако, поскольку сотня уже совершила несколько значительных переходов, а дальнейшая погоня за разбойниками требовала еще большего напряжения сил, было решено дать людям и лошадям отдохнуть, оставшись на карауле на ночлег. Кроме того, продолжение погони требовало подготовки вьючного обоза, которая была завершена к утру.

На рассвете погоня продолжилась. Отряд двинулся вверх по р. Суйфун, затем перешел ее и через 20 верст повернул на северо-запад. В одной из попутных фанз имеющиеся о хунхузах сведения подтвердились. Более того, хозяин фанзы заявил, что у него находится манза Чен-син — владелец фанзы в той местности, куда ушли хунхузы, знающий точное место их расположения. Указанный китаец был немедленно взят в качестве проводника.

Пройдя еще около 20 верст, отряд в глухом лесном месте встретил китайца, назвавшегося «До-у-ху-ан и объявившего себя работником купца». Он сообщил, что был у хунхузов для того, чтобы узнать, где они находятся, «на предмет безопасного прогона скота». Поскольку как сам китаец, так и его заявление не вызвали у майора Ножина доверия, он был тоже оставлен при отряде, «как человек весьма подозрительный».

Еще через 8 верст в долине обнаружилась фанза, обитатели которой при приближении отряда бросились бежать в лес. На их поимку был тут же выслан разъезд около 10 казаков. Поимать удалось только одного, назвавшегося Сунн-и-чи, по показаниям которого всего спасались бегством 4 человека. Остальные успели спрятаться в лесу, и из-за наступления сумерек их так и не нашли. Поиманный китаец также был оставлен при отряде,

а проведенный осмотр фанзы показал, что она «без хлебопашества и без хозяйства, как видно служила притоном хунхузам». Теперь здесь остановился на привал преследовавший их русский военный отряд.

С рассветом погоня продолжилась. Отряд шел в том же направлении и через 6 верст обнаружил еще одну пустую фанзу, тоже «без хлебопашества», принадлежавшую, как оказалось, тому самому китайцу, который был взят в отряд у первой фанзы, в 20 верстах от Суйфунского поста. Ее тоже внимательно осмотрели, и оказалось, «что люди из нее только что ушли, также замечены были свежие следы угнанной одной лошади и двух или трех голов рогатого скота». Поскольку, по сообщениям лояльных русским властям местных китайцев, фанза эта всегда служила притоном хунхузов, майор Ножин приказал ее сжечь.

Все говорило о том, что отряд движется в правильном направлении. Пройдя еще около пяти верст, военные подошли к третьей фанзе, стоявшей перед горой. Эта фанза тоже оказалась пустой, «но после обыска окрестностей обнаружен у самой фанзы на горе бивак, видимо брошенный поспешно, так как на том месте разъездом найдена разная утварь и принадлежности верховой сбруи». Однако куда идти дальше, было не совсем понятно.

Во время допроса взятый в проводники хозяин второй фанзы и китаец, арестованный по дороге, «направили отряд под видом указания места нахождения хунхуз уже без дороги по следам прогнанного скота, повели видимо в противоположную сторону направлению по которому шел отряд и завели в чащу леса, затем отозвались незнанием дороги». После 9 верст такого преследования майор Ножин заподозрил неладное, вернулся с отрядом к последней фанзе и «потребовал настоятельно» от пленных китайцев указать реальное местонахождение хунхузов. На это раз манзы указали в сторону ранее принятого направления.

Сделав привал, отряд двинулся вперед по дороге, перевалил через гору, вышел в долину р. Шитэулинцза и, перейдя реку вброд, обнаружил на противоположном берегу две тропы: одну торную, составлявшую продолжение той, по которой шел отряд, и другую «как видно было образовавшуюся по высокой траве недавно от конского следа». Пленные китайцы указали на нее. Пройдя по ней около пяти верст к выдававшемуся мысу, Ножин послал хорунжего Токмакова с разъездом для осмотра местности. Вернувшись, тот доложил, что «за мысом верстах в 2 ½ он усмотрел значительный по его мнению лагерь хунхузов, расположенный бивуаком по противоположному берегу протекающей впереди речки».

Поскольку атака подобного лагеря требовала серьезной разведки местности и предварительной подготовки, командир сотни отправил двух пеших охотников — чтобы те, пробравшись как можно ближе к лагерю, определили точную численность хунхузов и изучили местность. Кроме того, им были выставлены «ночные наблюдательные посты на ближайших горах поросших деревьями».

Вскоре с передового поста прискакал казак с донесением, что в лагере седлают лошадей. Ножин с отрядом немедленно снялся с места и подошел к посту, намереваясь напасть на лагерь. Однако находившийся там урядник доложил, что «только около двадцати всадников отправились из лагеря в противоположную сторону», а лагерь остается в прежнем состоянии. Отряд вернулся назад дожидаться пеших разведчиков. Последние, вернувшись, доложили, что в лагере находится значительно число людей и до 200 лошадей, а прежде чем подойти к нему, необходимо переправиться вброд через речку и пройти по открытому пространству около двух с половиной верст на виду у неприятеля. Поскольку условия для атаки были явно невыгодные, да и численного преимущества русский отряд не имел, Ножин, стараясь избежать лишних потерь, решил атаковать на следующий день на рассвете. Ночь отряд провел в последней фанзе, «не расседывая лошадей и расставив наблюдательные посты на прежних местах».

В 1 час ночи 30 июня отряд выдвинулся на позицию и к 3 часам утра прибыл к месту переправы через речку. «...Здесь в ожидании рассвета, — докладывая начальству командир сотни, — а вместе с тем, чтобы дать роздых лошадям для более успешной атаки, я остановил отряд на полчаса, затем переправился вброд, подошел незамеченный на расстояние до 250 сажень от лагеря, рассыпал два взвода под начальством Сотника Павленко и Хорунжего Токмакова каждый отдельно с промежутком в 50 сажень, с таким расчетом, чтобы цепи могли охватить лагерь с двух сторон, а сам в интервале с третьим взводом (который служил вместе с тем общим резервом) в сомкнутом строю следуя уступом, пустил сотню карьером без выстрела, действуя только холодным оружием. Когда передние два взвода на карьере в сказанном порядке приблизились к лагерю, то были встречены залпом, и за тем перестрелкою, но оба быстро врубались и прошли весь лагерь, а взвод под моею командою подскакав к лагерю был встречен криками Маньчжур, Маньчжур, и между подбежавшими к взводу вооруженными людьми я различил Маньчжурского офицера, который показывая свой белый шарик на шапке (знак офицерского достоинства)

также кричал, Маньчжур, Маньчжур. Быстро остановив свой взвод я приказал трубить отбой и послал нескольких всадников остановить действие цепи и вернуть ее обратно. Затем тотчас же бой был прекращен»¹². После этого сотня была собрана, и Ножин, сделав с ней семидесятиверстный переход, к вечеру того же дня вернулся на Суйфунский караул¹³.

По китайским инстанциям новость о произошедшем столкновении тоже «путешествовала» с просто невероятной для этого государства быстротой. Вообще, территория Северо-Восточного Китая была разделена в этот период на три провинции (которые с известной долей условности можно рассматривать как эквивалент российских генерал-губернаторств в Восточной Сибири) во главе с Цзянь-цзюнями (Дзянь-дзюнь). В свою очередь каждая провинция делилась на несколько военных областей — футудунств (близких, по сути, к российским военным губернаторствам в Восточной Сибири), во главе которых стоял особый подчиненный Цзянь-цзюню начальник — Футудун. Напротив Приморской области располагалась провинция Цзилинь, местом пребывания начальника которой был Гирич, а территория, на которой произошел исследуемый инцидент, находилась под юрисдикцией одного из трех входящих в ее состав футудунств, с центром в Нингуге¹⁴. Начальник кавалерии Нингутского футудунства, Генерал Юнхай, немедленно доложил о случившемся своему прямому начальнику — Нингутскому футудуну, а тот — Гинринскому Цзянь-цзюню. Последний, тормозивший обычно большую часть поступавших к нему с мест бумаг, в том числе и о необходимости принятия серьезных мер по борьбе с хунхузами, на этот раз немедленно отправил донесение в Пекин¹⁵.

Кроме того, Нингутский футудун, в соответствии с существовавшими между двумя странами договоренностями, V года VI луны 2 числа (8 июля 1879 г.) направил письмо и российскому Пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае. В нем он писал, что «русский отряд напал на лагерь китайских правительственных войск в местности Ши-тэу-лин и порубил и поранил многих»¹⁶.

¹² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 36–39 об.

¹³ Там же. Л. 28–29.

¹⁴ Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888. С. 20, 260–263.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 34 об.

¹⁶ Там же. Л. 35. Автор считает необходимым отметить особую роль переводчика Мосина, служившего при Пограничном комиссаре в Южно-Уссурийском крае

Центральные власти в Пекине тоже выразили свою глубокую озабоченность произошедшим инцидентом, направив особое «письменное сообщение» от 21 июля 1879 г. (15 числа VI луны) российскому поверенному в делах в Пекине А. И. Кояндеру. Этот документ, по сути являлся пересказом доклада Гириного Цзянь-цзюня Богдыхану, в заключение которого китайское министерство просило российского поверенного «отнестись к кому следует о расследовании и решении этого Шитэулинского дела»¹⁷.

К этому времени в Императорскую Российскую миссию в Пекине уже поступили первые данные о произошедшем инциденте, поэтому А. И. Кояндер незамедлительно ответил китайским властям, что «Шитэулинское дело представляется ошибочным столкновением, что Майор Ножин уже отстранен от командования отрядом»¹⁸.

Тем временем местные российские власти готовились к предстоящим переговорам, которые обещали быть очень непростыми. Первоначально, в соответствии с приказанием Военного губернатора Приморской области контр-адмирала Густава Федоровича Эрдмана, Матюнин собирался отправиться для переговоров по данному инциденту в непосредственно Нингуту на встречу с Нингутайским Мэйрэн-дзанчином.

Перед отъездом, 8 июля, им были сделаны соответствующие закупки подарков во Владивостоке, в крупнейшем в Южно-Уссурийском крае магазине «Кунста и Альберса». Дарообмен был обычной практикой при ведении российскими представителями переговоров с большей частью государств Востока и чем-то выходящим за рамки не считался. Скорее, наоборот, отсутствие подобных подарков было бы воспринято китайскими представителями как символ открытого недовольствия российского пограничного чиновника, что в данном случае было совершенно неуместно. Российские дипломаты и чиновники прекрасно знали, что для успеха проведения переговоров местные традиции нужно не только знать и уважать, но и непременно соблюдать.

в период описываемых событий. Именно его переводы официальных документов китайской делегации по рассматриваемому вопросу сделали возможным изучение данных событий исследователями, не владеющими навыками чтения материалов 2-й половины XIX в., написанных на маньчжурском и монгольском языках. К сожалению, каких-либо данных о его биографии и даже его инициалов автору установить не удалось.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 9.

Однако вскоре Матюнин получил известие, «что со стороны Китая выезжает для совещания целая Комиссия, в состав которой, кроме Нинггутаевского Мэйрэн-Дзанчина войдут еще три сановника из Гирина». Поскольку обычно решение мелких вопросов приграничных взаимоотношений не выходило за рамки компетенции Нингутского футудуна, то это означало, что, во-первых, ранг переговоров будет несколько выше, чем изначально предполагалось российскими властями, во-вторых, китайские власти сильно обеспокоены произошедшим инцидентом и не желают проведения переговоров по этому вопросу в глубине своей территории, и, в-третьих, поскольку придают ему огромную важность, готовы прибыть на границу сами.

Тем не менее Н. Г. Матюнин успел отправить Нингутскому футудуну официальное письмо от 12 июля 1879 г. (VI луны 6 числа), в которой он вполне справедливо отмечал, что «прежде чем заниматься разбирательством крайне печальной сечи в Шитэулине, я считаю необходимым прежде всего выяснить причину, почему русский вооруженный отряд перешел границу высоких государств и не предупредив о том, через мое посредство Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина проник вглубь высокого Дайцинского Государства до местности Шитэулин». Далее следовал подробный разбор обстановки на русско-китайской границе как в плане ситуации с действиями банд хунхузов, так и общих вопросов взаимодействия двух стран¹⁹. Как оказалось впоследствии, письмо это футудун не только получил, но и прихватил с собой.

Из-за изменившейся обстановки Н. Г. Матюнин, перед отъездом из своей постоянной резиденции в урочище Новокиевском [современный пос. Краскино, Приморский край. — *Р. А.*] на Суйфунский пограничный караул на переговоры, вынужден был «прикупить еще разных вещей для подарков и запастись угощением».

Наличие подарков, тем более купленных в два этапа, должно было существенно осложнить движение Пограничного комиссара на Суйфунский караул — к месту проведения переговоров. Однако сам он поехал налегке «на Суйфунский караул границу» вместе со специально вызванным для этой цели командиром Уссурийской конной казачьей сотни майором Ножиным, «имея с собой собственных двух коней под себя и прислугу и двух наемных под вьюки». (Собственно, на этих конях Матюнин вместе с переводчиком и вернулся потом обратно с переговоров). Ви-

¹⁹ Там же. Л. 35.

димо, в ходе этой поездки Пограничному комиссару хотелось лично выяснить из первых уст все подробности инцидента, а заодно и осмотреть саму границу. Впрочем, нельзя исключить и то, что обсуждались варианты мер, в том числе и военных, на случай возможного срыва переговоров.

А вот состоящего при нем переводчика с маньчжурского языка Мосина «с канцелярией и запасами», сделанными Матюниным еще 8 июля во Владивостоке, Пограничный комиссар отправил через с. Никольское в пост Раздольный, куда по просьбе Пограничного комиссара была выслана из того же владивостокского магазина оставшая часть подарков. Оттуда Мосин уже «на проходных двух телегах» добрался до Суйфунского караула²⁰.

Российский Пограничный комиссар прибыл на Суйфунский караул еще до подхода китайской комиссии. 24 августа 1879 г. он получил, очевидно, с нарочным составленное по всем правилам международного этикета письмо «Великого Дайцынского Государства Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина — Великого Российского государства Управляющему Уссурийскую границую Комиссару», в котором сообщалось, что комиссия в полном составе выехала в установленное время 19 числа V года VII луны, т. е. 24 августа 1879 г., «в 12 часов дня (час лошади) дошли до местности Ченцза-ин, где и остановились лагерем, почему на основании дружбы двух государств посылаю прежде уведомление о том, что я непременно завтра прибуду в Сан-ча-коу, где увидевшись, по соглашению решим дело»²¹.

Судя по всему, выдвигаясь на переговоры, Матюнин не имел точного представления о том, с кем из китайских чиновников ему придется их вести и как они будут происходить. Первые данные о составе китайской делегации он получил из указанного письма, однако оно дало ответы далеко не на все вопросы. С остальным пришлось разбираться уже при личной встрече.

Репортуя о собственных впечатлениях после первой встречи с китайской комиссией, Пограничный комиссар писал: «Со стороны Китая для переговоров по делу майора Ножина были командированы на границу в местность Санчакоу, кроме Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина Шувана еще три чиновника из Гирина, из которых двое старших: гражданский губернатор Иой и имеющий пожалованное очковое павлинье перо Нируй-Дзанчен Ань, принимали активное участие в прениях,

²⁰ Там же. Л. 19–19 об., 24.

²¹ Там же. Л. 34.

третий вроде советника [ревизор У. — Р. А.], решающего голоса не имеет. Кроме того, на первом заседании участвовал и начальник нинггутаийской кавалерии, и вместе с тем отряда, разбитого в местности Шитэулин Майором Ножиным Генерал Юнк-хай. Этот последний крайне недружелюбно относился к нам и старался поселить раздор между членами Китайской Комиссии и мною, но мне удалось отстранить его и следующие заседания проходили без него»²².

Если с Нингутским футудуном Шуваном Н. Г. Матюнин был давно знаком и находился в очень хороших отношениях, то с этими тремя гириными чиновниками он имел дело впервые, что, впрочем, его не смутило. Обида и недовольство русскими со стороны генерала Юнхая были понятны и вполне закономерны: его войска были не только повержены в бою русскими, причем исключительно холодным оружием, но он еще и был лишен возможности реванша, что не могло не восприниматься как оскорбление. Однако его недружелюбие было весьма слабым оружием против матюнинского опыта. Дело в том, что хотя майор Ножин и проехал вместе с Матюниным вдоль границы, однако на Суйфунский караул он не прибыл (во всяком случае, в документах он неоднократно упоминается как «отсутствующий») и в переговорах, естественно, не участвовал. Соответственно настоять на том, что переговоры должны вести незаинтересованные, т. е. не участвовавшие непосредственно в обсуждаемом инциденте лица, Пограничному комиссару особого труда не составило. В результате так и не остывший после боя китайский генерал был отстранен от переговоров.

Естественно, переговоры начались с взаимного приветствия и традиционного вручения подарков. Последнее производилось Матюниным в четком соответствии с иерархией сановников, а «оставшиеся лакомства были [...] розданы высшим чинам Китайской Комиссии в день [...] отъезда». «Подарками они, по всей видимости, остались весьма довольны, — писал Пограничный комиссар Военному губернатору Приморской области, — в особенности Нинггутаийский Мэйрэн-Дзанчин, еще в бытность мою в прошлом году в Нингуте, просивший выслать ему стеклянной посуды и ковров. Извиняясь, что они прибыли налегке, члены Китайской Комиссии прислали мне, каждый в ответ на сделанные им мною подарки, Китайских сладостей и чаю, за что, как принято, пришлось наградить носильщиков».

²² Там же. Л. 23.

О том, кому, что и на какую сумму было подарено, Пограничный комиссар, в соответствии с заведенными правилами, составил особый список, который был отослан затем в канцелярию Военного губернатора Приморской области²³.

Однако уже здесь, на стадии знакомства, выявились серьезные трудности, связанные с языковым барьером. Матюнин не без ехидства констатировал: «Отсутствие хорошего переводчика китайского языка поставило в этот раз не столько меня, сколько Нинггутаевского Мэйрэн-Дзянчина в неловкое положение. Гиринские чиновники говорили только по китайски, Мэйрэн-Дзянчин плохо владеет Маньчжурским языком, но говорит по монгольски. В свите их также не оказалось никого, знающего два языка, маньчжурский и китайский. Состоящий при мне переводчик Мосин знает хорошо по монгольски и по маньчжурски и здесь несколько научился по китайски, но все еще не столько, чтобы вести сложный разговор. Пришлось просить Мэйрэн-Дзянчина принять на себя труд передавать сущность разговора гиринским чиновникам. Он этим очень стеснялся, опасаясь, чтобы его не заподозрили в пристрастии, так как он и раньше был всегда в хороших отношениях со мною. При этом он видимо не доверял этим чиновникам, особенно Нируй-Дзянчину Ань»²⁴.

Переговоры происходили поочередно то в помещении Суйфунского караула, то в фанзе, где остановился Нинггутаевский Мэйрэн-дзянчин. Несмотря на продолжительные заседания и видимые подвижки в переговорном процессе, китайцы еще и присылали Матюнину «для соображения черновые копии своих отношений» (которые тоже сохранились, как и ответы на них российского представителя)²⁵. Очевидно, из-за трудностей перевода при устном разговоре они желали не только убедиться в том, что правильно поняли и зафиксировали мысли Пограничного комиссара, но и старались точно донести до него свои мнения по тем или иным деталям обсуждаемых вопросов. Это европейское новшество существенно облегчило российскому представителю ведение переговоров, так как позволяло четко фиксировать противоречивость и изменчивость позиции гиринских чиновников по ряду пунктов, а затем использовать эти противоречия для аргументированного отстаивания собственной позиции. Здесь же, пожалуй, нужно отметить, что переговоры происходили во вполне «цивилизованной»

²³ Там же. Л. 19–19 об., 24.

²⁴ Там же. Л. 23.

²⁵ Там же. Л. 23.

форме, никакого военного давления ни на одну из сторон не оказывалось (весьма существенное отличие от большей части переговоров Китая с европейскими державами во 2-й половине XIX в.). Представители России и Китая мирно и методично разбирали сначала само происшествие, а потом и то, какие последствия оно должно повлечь для каждой из сторон.

Ход переговоров, с известной долей условности, можно разделить на несколько этапов. Первый этап, по итогам которого Матюнину была передана на просмотр и утверждение соответствующая бумага, происходил с 25 по 29 августа. Обсуждение началось с того, что российский Пограничный комиссар передал китайской делегации документ, в котором в общих чертах описывалось само происшествие. С него и началось обсуждение. Было выяснено, что действительно российский конный отряд с офицером, преследуя разбойников-хунхуз, ограбивших корейцев в дер. Пуциновка («на Люй-шу-хэцза»), в погоне за ними дошел до местности «Ши-тэу-лин», где в тот момент находился военный отряд Китая под командой генерала Юнхая.

До начала этого заседания и для Н. Г. Матюнина, и для Майора Ножина, да и, очевидно, для всех представителей российских властей в Восточной Сибири, оставалось загадкой, как при Шитэулине оказался военный отряд Китая и откуда о нем знали взятые в плен Ножиным хунхузы, так удачно подставившие майора. Выяснилось это только теперь — отряд был послан именно для борьбы с хунхузами, причем по многочисленным требованиям с российской стороны²⁶. Требования этих было так много, и направлялись они в 70-х гг. XIX в. так часто, что игнорирование их китайскими властями считалось нормой, а вероятность появления у российских границ войск сопредельного государства, отправленных для преследования хунхузов, никем всерьез не рассматривалась.

Однако мало того, что на этот раз войска были посланы (причину этого установить пока не удалось), так они еще и выполнили поставленную перед ними задачу, действительно уничтожив банду хунхузов! Ту самую, которая уходила от преследования отряда майора Ножина. Судя по тому, что, по словам китайских представителей, банда, за исключением нескольких человек, была целиком физически истреблена, сами хунхузы совершенно не ожидали наткнуться в этой глухомани на каких-либо представителей собственной власти, тем более охотящихся за ними.

²⁶ Там же. Л. 34 об.

После окончания сражения с хунхузами генерал Юнхай сделал роковую для своего отряда ошибку. У многих народов не только Запада, но и Востока победителем традиционно считалась та сторона, за которой оставалось поле брани (достаточно вспомнить многолетние дискуссии о том, кто победил в Бородинской битве в 1812 г.), и поставить на нем свой лагерь для военачальника было делом личного престижа. Именно это и сыграло злую шутку с Юнхаем. Члены китайской комиссии объяснили Матюнину, что находящиеся под его командованием маньчжуры, «по случаю позднего времени остановившиеся лагерем, стянувши свои войска назад, не выставили строгих аванпостов для наблюдения за хунхузами [с логической точки зрения смысла в этом действительно не было: их же уже разбили! — *Р. А.*], безавшими на север». Таким образом, пленные хунхузы показали майору Ножину действительно реальное место «стойбища» своих соратников, ведь даже они не знали, что там находятся уже китайские войска. Неудивительно в этой связи, что, как сетовали китайские представители, «на рассвете русские казаки вошли в лагерь и приняв наших офицеров и солдат за хунхуз зарубили и поранили более 100 человек», тем более, что все награбленное хунхузами в Пуциновке было захвачено в качестве трофея и находилось там же, в лагере, создавая иллюзию хунхузского обоза²⁷.

Следующим обсуждаемым в ходе первого заседания, проходившего на Суйфунском карауле, вопросом стала политическая суть инцидента. Если, с точки зрения российской стороны, это была лишь трагическая случайность и не более, то в китайской комиссии далеко не все члены демонстрировали уверенность в том, что российский отряд действительно преследовал шайку хунхузов, а не какие-то политические цели. С учетом того, что позволяли себе в отношении Китая другие Европейские (и не только) державы, основания для сомнения китайских чиновников не кажутся чем-то несоответственным. Желая доказать китайцам свою правоту, а главное — честность, Матюнин, как он писал несколько дней спустя: «предложил всей комиссии пройти совместно со мной от Суйфунского караула до самого места сечи в М. [естности] Шитэулин тою самую дорогою, которою шел Майор Ножин с отрядом для последнего доказательства, что Майор Ножин шел по следам хунхуз, которых, если бы он выступил только одним днем раньше, он наверное бы настиг на том самом месте,

²⁷ Там же. Л. 34 об.

где они 29 числа июня (V луны 22 числа) были разбиты отрядами Генерала Юн»²⁸.

Предложение это было категорически отвергнуто как Нингутским футудуном, так и остальными членами делегации, а обоснование этого решения своей искренностью потрясло даже Матюнина. Причин было несколько: «...во-первых, потому, что за отсутствием Майора Ножина такой поход признан не достигающим вполне цели, во-вторых, потому, что путь пройденный Майором Ножиным достаточно подробно изложен в его рапорте и, в-третьих, потому что взятие в плен хунхузы в М.[естности] Шитэулинь 29 июня на допросе показали, что они действительно шли из Российского Государства, ограбив корейскую деревню Пуциновку и, в-четвертых, потому что не может возникнуть даже малейшего сомнения, что Майор Ножин преследовал хунхуз и напал на лагерь правительственных войск единственно по ошибке, не узнав их»²⁹. Остается лишь сожалеть, что, допросив пленных хунхузов сразу после разгрома банды, т. е. еще вечером 29 июня, и узнав, что они уходили от преследовавшей их по пятам русской кавалерии, в отряде китайских правительственных войск не догадались даже выставить охранение или какие-либо аванпосты по периметру лагеря, что, несомненно, позволило бы предотвратить последовавшее на следующий день столкновение.

Таким образом, в результате упорных прений, китайцы в целом согласились, что «Русского государства офицеры и казаки переходя границу имели в виду только уничтожение хунхуз», но при этом напомнили, что об этом «от Комиссара не было дано предварительной бумаги», а это по существовавшим договоренностям должно было быть сделано³⁰.

Что касается потерь, то первоначально указанная китайскими представителями цифра в 100 человек пострадавших Матюнину не очень понравилась, уж больно она была красивой и круглой, хотя порядок цифр вполне мог отражать реальное положение дел. Поэтому он попросил предоставить ему точный список убитых и раненых. Китайские представители сообщили ему, что «ныне по исследовании оказалось, что убито: офицеров 3, конных солдат 3, пеших 1, погонщиков 2, сопровождавших отряд хороших китайцев 16; ранено: офицеров 6, конных солдат 4, пеших 4, погонщиков 4, сопровождавших отряд хороших китайцев 56, а всего убитых и раненых, исключая

²⁸ Там же. Л. 39 об.

²⁹ Там же. Л. 34 об.

³⁰ Там же. Л. 34 об.

уже поправившихся, 123 человека»³¹. При этом китайская делегация просила Пограничного комиссара письменно подтвердить указанные потери, что было уже совершенно невозможным. Матюнину пришлось напомнить иностранным коллегам, что майор Ножин покинул место боя сразу после обнаружения своей ошибки и не имел возможности пересчитать убитых и раненых. Поэтому проверить предоставленный список Матюнин просто не может, тем более что, по словам самих же китайцев, «тела умерших тотчас после сечи [...] увезены на родину, где и преданы земле»³². Российский чиновник говорил чистую правду, ибо, не располагая какими-либо собственными данными о потерях, он не имел ни малейшего права завизировать китайские данные, тем более колебавшиеся от 100 до 123 человек.

На этом первый этап переговоров завершился. По просьбе Матюнина приведенные выше цифры были предоставлены ему китайской комиссией в письменном виде — их привели в особом письме с описанием хода переговоров, завершавшегося стандартной формулой «все это истинно верно». Со своей стороны они просили «почтенного Комиссара сообщить [...], как намерены решать это дело», а заодно и фамилию офицера, командовавшего русским отрядом³³.

В ответ Матюнин написал выдающееся как с дипломатической, так и с литературной точки зрения «отношение от 1го сентября 1879 года за № 206», со временем дошедшее до самых высоких сфер как в России, так и в Китае и определившее не только весь дальнейший ход рассматриваемых переговоров, но и в значительной степени историю русско-китайской границы в Южно-Уссурийском крае в последующие 5–10 лет.

Пограничный комиссар еще раз подтвердил, что получил от Шувана письмо от 8 июля 1879 г. (V года VI луны 2 числа), основное содержание которого у него вопросов и претензий не вызывает. Далее он напомнил о своем ответе на него, а именно том самом официальном письме от 12 июля 1879 г., отправленном им незадолго до отъезда на Суйфунский караул. Не зная доподлинно, получил ли футудун это письмо, Матюнин привел его почти целиком еще раз, тем более, что его содержание — рассмотрение вопроса о причинах вторжения российского отряда на территорию Китая без предварительного уведомления со стороны Пограничного комиссара — имело принципиальный характер.

³¹ Там же. Л. 34 об. — 35.

³² Там же. Л. 40.

³³ Там же. Л. 35.

Он напомнил, что со стороны России на границе «в местности Сан-ча-коу находится конный караул в 20 всадников с 1877 года», поставленный из-за частого появления там хунхузов. Нингутский футудун Шуван лично видел его при посещении этой территории летом 1877 года. Со стороны Китая же никакого караула не было, а упомянутый Шуваном какой-то «добровольный отряд» никто здесь не видел. При этом вся долина р. Суйфун, особенно в 1879 г., сильно страдала от хунхузов. «Все корейские деревни пострадали; не только грабежи, увод скота, кражи, но и частью зверские убийства вынудили Командующего войсками Приморской области поставить в корейские деревни временные караулы от пехотных частей. Вследствие незнания языка, несообразительности китайского населения, русская местная администрация недоумевала, откуда приходили и где скрывались шайки, которые грабили и убивали корейцев, и потому ограничивалась мерами предупредительными. Находясь по специальному поручению Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири в Ханкайском округе я имел случай писать о таком положении населения. Это побудило Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири переселить на южную границу часть казаков с р. Уссури с целью образовать со временем в крае центр для защиты мирных поселян от хищничества бродяг и хунхуз».

Апофеозом деятельности китайских разбойников стало падение 19 июня на корейскую дер. Пуциновка, где было вырезано «8 человек, многие же ранены, угнано одних лошадей 103, не считая украденных денег и другого имущества. Шайка совершившая такие безобразные злодейства скрылась за границу». 23 июня об этом происшествии стало известно Матюнину, а уже 25 числа «в бумаге за № 107» он подробно написал об этом Нунгутекуму футудуну. «Этот пакет был передан Хунчунскому полковому командиру с просьбою отправить его в Нингуту с возможной скоростью. Но разумеется пакет пришел в Нингуту слишком поздно; так как отряд конных казаков 24 июня уже вышел из поста Камень-Рыболов, а 30 числа произошла сеча в местности Шитэулине». Пограничный комиссар в своем отношении не только выполнил просьбу китайцев — предоставил им официальные письменные данные об имени и чине командира российского отряда, но и процитировал рапорт майора Ножина, старательно переведенный переводчиком Мосиным³⁴.

³⁴ Там же. Л. 35–36.

Далее он еще раз пересказал в основных чертах ход прений и сделал выводы, которые и можно считать официальной российской версией произошедших событий. «Всесторонне рассмотрев предшествующие обстоятельства этого печального случая я вывожу:

1) На границе обоих государств в м. Сань-ча-коу находился караул официально признанный только со стороны Великого Российского Государства.

2) Прямого сообщения почтового или посредством нарочных гонцов из м.[естность] Сань-ча-коу в г. Нинкгуту не существовало и до сих пор не имеется, почему все пакеты в Нинкгуту из России доставлялись и доставляются исключительно через Хунчунь.

3) О приближении отряда под начальством Генерала Юн к границе Великого Российского Государства и цели его приближения не было возможности уведомить Начальника Суй-фунского караула, потому что заведомо этот офицер не имеет переводчика могущего прочесть официальное письмо, а также потому что от Нинкгуты до местности Сань-ча-коу отправлять одиночных нарочных небезопасно; я также не был поставлен в известность о приближении к границам Великого Российского Государства отряда Генерала Юн.

4) Правительственные войска Нинкгутайской области как иррегулярные не имеют никаких особенных отличий, по которым на некотором расстоянии возможно было бы отличить их от людей других сословий [читай — от хунхузов. — *Р. А.*].

5) Отряд Майора Ножина шел бесспорно дорогою, по которой бежали хунхузы, ограбившие корейскую деревню Пуциновку и хотя подошел на близкое весьма расстояние к лагерю, видневшемуся впереди за речкою, но не встретил ни каких разъездов, ни пикетов, выставляемых обыкновенно регулярным войском во время похода.

6) Основываясь на том, что он шел по следам хунхузов, по указанию Китайских подданных из м.[естности] Сань-ча-коу и из фанзы Доу-гуян-чувань (Кун) и проводников бывших при отряде, Майор Ножин с вечера составил план атаки, а утром 30 июня разделил отряд, на три части и приказал двум офицерам развернуть фронт вверенных им взводов и карьером врубиться в лагерь, сам он с главным резервом находился в центре, шел позади боковых взводов. Атаку конницы, производимую на карьере не встреченную частым и разрушительным огнем, трудно остановить, почему офицеры и солдаты, получившие категорическое приказание рубить, исполнили только приказание старшего Начальника.

7) Как только Майор Ножин подъехал к лагерю и заметил ошибку, он тотчас подал трубою сигнал остановить сечу, и для этой же цели послал в более отдаленные пункты боя отдельных всадников.

8) Хотя Генерал Юн заявил Комиссии, что заметив русских он отдал приказание не стрелять, но его приказание не могло быть услышано всем лагерем, и по его же мнению даже слышавшие приказание, под влиянием чувства самозащиты очень вероятно вопреки приказанию стреляли по казакам, что еще более укрепило в атакующих 2^х взводах мнение, то они имеют дело с хунхузами.

9) Отряд Китайских Правительственных войск под начальством Генерала Юн 29 числа разбил шайку, преследуемую Майором Ножиным и расположился на отдых лагерем на том же месте.

Признавая окончательно, что по всем вышеизложенным причинам и обстоятельствам произошла ошибка виновником в которой признать отдельного человека или даже управление невозможно; виною всему невероятное стечение обстоятельств: встреча отряда Китайских Правительственных войск на пути следования его к границе Великого Российского Государства с шайкой хунхуз, за которой по пятам следует русский отряд, стычка с этою шайкою, окончившаяся почти совершенным истреблением хунхуз; отряд располагается лагерем для отдыха тут же, не принимает мер осторожности, может быть предполагая, что горсть избежавших смерти или плена хунхуз не посмеет атаковать лагерь. Русский отряд шедший все время по следам шайки хунхуз наконец увидел перед собой какой-то лагерь и не зная ровно ничего о приближении какого бы то ни было отряда Китайских Правительственных войск, естественно пришел к заключению, что цель погони достигнута и что медлить не следует. На рассвете происходит атака. Оба Высочайших Государства пребывают неизменно в дружбе, почему как не прискорбен такой случай, но в виду всего вышеизложенного нельзя не признать что все произошло от ошибки и что никакого злого умысла или намерения быть не могло»³⁵.

Завершая свое письмо, Н. Г. Матюнин напомнил, что «необходимо тщательно и всесторонне совместно обсудить какие должны быть приняты с обеих сторон меры для того, чтобы впредь не только никогда не было возможно повторение подобной ошибки, но чтобы и прекратить насколько возможно существование близ границы шаек хунхузов»³⁶.

³⁵ Там же. Л. 40–41 об.

³⁶ Там же. Л. 41 об.

На втором этапе переговоров дискуссия о понесенных китайцами потерях и компенсациях за них продолжилась. Нируй-Дзянчин Ань, напомнив, что китайское правительство «уплатило нам деньги за убийство в Тянь-цзине русских» (о каком инциденте в данном случае шла речь, обнаружить пока не удалось), поставил вопрос о том, «какое удовлетворение мы можем дать им за убитых и раненых». Матюнин парировал, что раз доказано, что «сеча в местности Шитэулинь произошла по ошибке, невозможно приурочивать этот случай к тяньцзинскому, где фанатики заведомо шли на преступление». Далее, желая прозондировать настроение китайцев, Пограничный комиссар, объяснив, что «формальное заявление» через его посредство «глубокого сожаления нашего по поводу этой грустной ошибки, может служить достаточным удовлетворением» попросил комиссию высказать свое мнение по данному вопросу.

Отталкиваясь от заявления Нируй-Дзянчин Аня, комиссия постаралась заверить Матюнина, что «не только она не имеет поручения заявлять требование уплаты за убитых и раненых, но что она уверена, что само правительство на это никогда не решится, убедившись из их доклада в происшедшей ошибке». Тем не менее китайцы крайне настойчиво продолжали просить засвидетельствовать число убитых и раненых.

Для российского представителя это было неприемлемо по ряду причин. Во-первых, это сразу переводило все переговоры из обсуждения цепи случайностей, приведших к несчастному случаю, в плоскость признания Российской империей убийства китайских подданных (не важно, случайного или умышленного). Во-вторых, поскольку майор Ножин не смог дать ему со своей стороны даже приблизительного указания на численность пострадавших в китайском отряде («должна быть довольно значительна»), а оснований на 100 % доверять китайским данным у Матюнина не было, тем более, что полных окончательных цифр они так и не смогли ему предоставить. Естественно, подписать подобный документ он просто не имел права.

Поэтому, как впоследствии доносил начальству сам российский чиновник: «Имея ввиду, что таковое свидетельство может дать не совсем удобный для нас оборот делу, я не отказываясь окончательно просил Комиссию объяснить мне точный повод такой просьбы, доказывая им, что весь вопрос сводится к тому, была ли сеча в Местности Шитэулин произведена с намерением нанести урон Китайским войскам или же она произошла вследствие ошибки и фатального стечения обстоятельств»³⁷.

³⁷ Там же. Л. 20.

Итоги этого этапа переговоров Матюнин подвел в «Бумаге Пограничного Комиссара Нинкгутайскому Мэйрэн-Дзанчину и прочим от 3го сентября за № 210». В ней он еще раз констатировал, что совместный разбор несчастного случая при Шитэулине привел к согласию Китайской стороны с российской версией произошедших событий: «произошла весьма грустная ошибка и никакой предвзятой мысли или намерения нанести ущерб войскам Великого Дайцинского Государства у Командира русского отряда Майора Ножина не было и быть не могло», явно намекая этим на то, что инцидент уже можно считать исчерпанным.

После этого Пограничный комиссар передал точку зрения китайских представителей, настаивавших на неких компенсациях за понесенные потери и заявивших, что по китайским законам он, «как представитель стороны сделавшей ошибку, обязан первый заявить», какое его намерение «дать удовлетворение»³⁸. Матюнин был с этим категорически не согласен, поскольку уже неоднократно говорил и писал, что Шитэулинский инцидент есть следствие ошибки не одного майора Ножина, а не злодействуй китайские разбойники на российской территории, так и вовсе никакие военные отряды никогда бы границу не перешли.

Поэтому далее он прямо написал: «Я же со своей стороны спрашивал Вас какие Вы имеете предъявить требования. Так как я считаю дело выясненным посредством и личных переговоров и письменных сношений на столько, что никто не в состоянии сомневаться, что злого намерения у нас не было и сеча в м.[естности] Шитэулин произошла единственно по причинам, мною изложенными письменно, т. е. что Майор Ножин принял отряд Правительственных Китайских войск под Начальством Генерала Юнхая за шайку хунхузов, которую он преследовал по следам из наших пределов, что Господин Генерал-Губернатор Восточной Сибири специально командировал меня в Нинкгуту, а вместо того по желанию Гирина Дзянь-Дзюня я прибыл сюда для выражения глубокого сожаления по поводу несчастного случая в м.[естности] Шитэулин и разъяснения ошибки. Немедля по получении Вашего окончательного ответа, я донесу подробно о результатах нашего свидания Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири»³⁹.

На следующем этапе переговоров китайские чиновники, «опасавшиеся больше всего, чтобы Гирина Дзянь-Дзюнь не поду-

³⁸ Там же. Л. 42.

³⁹ Там же. Л. 42–42 об.

мал, что они, получив подарки, отнеслись к делу пристрастно», радикально сменили тактику и усиленно старались вынудить Матюнина написать хотя бы, что он «не уполномочен решить это дело окончательно»⁴⁰. Для Пограничного комиссара это было еще более неприемлемо, так как именно он-то как раз и был уполномочен решить это дело окончательно, чтобы оно не вызвало международных переговоров на уровне внешнеполитических ведомств двух государств.

Однако Матюнину опять удалось поймать китайцев на слове и обернуть всё в свою пользу. «Не соглашаясь с ними, — докладывал Пограничный комиссар, — я сумел доказать, что если кому из них и пришлось бы писать бумагу такого содержания, то никак не мне, ибо они, сами отказались заявить какого рода требования им поручено предъявить, следовательно согласны признав свою ошибку не давать делу дальнейшего хода ли не уполномочены установить окончательное решение»⁴¹.

Китайским представителям это очень не понравилось. После нескольких дней переговоров Матюнину было категорически заявлено, что представители китайской комиссии «не уполномочены окончательно вырешить это дело». Из разговоров с самим Шуваном и остальными членами комиссии Пограничный комиссар вынес мнение, что они не были уверены в ошибке со стороны Майора Ножина и опасались, что «тут скрывалась политическая цель. Они высказали мне по крайней мере непритворное удовольствие, когда я передал им мое отношение № 206 и уверил их, что нет разумных оснований не верить в искренность моих объяснений»⁴². Далее переговоры всецело перешли в плоскость эпистолярных баталий.

На следующий день после этого разговора (т. е. 3-го числа VIII луны по китайскому календарю) Матюнин получил от китайских представителей письмо, «в котором они прямо заявляют, что решить это дело они не могут»⁴³. Этот документ представляет собой весьма любопытный образец китайской дипломатической переписки, поэтому его целесообразно привести почти полностью: «В полученной от Вас, Пограничный Комиссар, бумаге Вы пишете, что мы на свиданиях и бумагами объяснили причину перехода границы Вашим от-

⁴⁰ Там же. Л. 20–20 об.

⁴¹ Там же. Л. 20 об.

⁴² Там же. Л. 23–23 об.

⁴³ Там же. Л. 20 об.

рядом сделавшим ошибку и признали, что это была ошибка, в чем сомневаться нельзя и что об этом Вы тотчас же доложите Вашему Генерал-Губернатору и вообще обо всем как мы здесь решили. Хотя это действительно и ошибка, но убито и ранено много офицеров и солдат и китайцев. На нескольких заседаниях от Вас не было сделано окончательного предложения, а по внимательном исследовании и в трактатах не сказано о подобных случаях. Отряд с офицерами и солдатами, перешедший границу был Высокого Государства, то и предложение к примирению делать должно не наше Государство. Государства наши находятся по соседству и с давних пор в дружбе, то Высокое Государство и должно установить. Если же Вы не можете сказать окончательно решения, то и мы не можем взять на себя ответственность, а потому лучше всего предоставить это дело на утверждение высшего Начальства обеих сторон, мы же возвратимся и как они решат или как укажут, объяснимся бумагами.

В бумаге от VII луны 27 числа Вы пишете, что Начальник отряда Ножин сейчас же после сечи, не сосчитав убитых и раненых ушел обратно и что Вы не можете проверить список убитых и раненых, так как многие из них уже похоронены. Пришедший со мной Начальник отряда Генерал Юнхай, потерпевший несчастье в Шитоулине, заявил освидетельствовать, но так как дело было уже давно ... многих убитых взяли родственники, многие раненые уже поправились. К тому же здесь нет Начальника отряда Ножина. Если же ехать освидетельствовать, то необходимо вызвать сюда офицера Ножина и вместе с ним и Генералом Юнхаем ехать. Мы же как неучаствовавшие что можем сделать? Сообщая это Вам, Почтенный Комиссар, просим уведомить нас, согласны Вы с нами или нет? Мы же получивши Вашу бумагу, и так как не сможем решить дело в окончательном виде, доложим нашему Дзянь-Дзюню. Сего ради послано»⁴⁴.

В ответ на него Н. Г. Матюнин написал «Бумагу Пограничного Комиссара, Китайской Комиссии, от 6 сентября за № 220», следующего содержания: «На последнее письмо Ваше, Почтенные Сановники, от V года VIII луны 3 числа, имею честь ответить, что я донесу подробно о наших заседаниях Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири и весьма доволен, что Вы убедились, что несчастная сеча в м. [естности] Шитэулин результат ошибки, а не злого умысла.

⁴⁴ Там же. Л. 42 об. — 43 об.

Вы уезжаете окончив возложенное на Вас поручение, я также возвращаюсь к месту своего служения»⁴⁵.

Таким образом, переговоры закончились весьма своеобразно, фактически зайдя в тупик: нормативно правовой базы для выхода из сложившейся ситуации между двумя государствами не было — ни в Айгунском (1858 г.), ни в Пекинском (1860 г.) договорах не было сказано, что делать в таких случаях. Российский представитель считал, что раз положение о случайности инцидента китайцами принято, то и дело закрыто, а китайская делегация, в свою очередь, продолжала настаивать на компенсациях.

Выход из сложившейся ситуации Матюниным был найден весьма оригинальный: он мало того, что признал со своей стороны вопрос полностью решенным, просто проигнорировал китайские требования, ведь никакой юридической опоры в договорах между двумя странами они не имели, а трагическую случайность инцидента китайские представители и так признали, но еще и написал им, что они полностью выполнили возложенное на них поручение, т. е. тоже решили этот вопрос. Китайская комиссия с этим, разумеется, не согласилась, оставшись при своем мнении и пообещав предоставить дело на разрешение «высшего начальства», и, разумеется, предоставила.

Возможно, это было сделано Матюниным в нарушение данных ему инструкций (которые из-за отсутствия нормальной военно-транспортной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке он получил уже после окончания переговоров) специально, ведь он прекрасно помнил слова Нингутского футу-дуна Шувана о том, что Гиринский Цзянь-цзюнь не пропускает в Пекин ни одной его бумаги о создании новых военных постов на русско-китайской границе и о необходимости активизации борьбы с хунхузами. А это значит, что для положительного решения этих вопросов, которое было так необходимо российским властям, да и всему местному населению по обе стороны границы, переписка между двумя государствами должна была происходить минуя Гирина, т. е. на уровне МИДов. Ответ на вопрос, так это или нет, Пограничный комиссар унес с собой в могилу, однако последовавшие за переговорами события полностью подтвердили правоту его действий.

Практически сразу после окончания переговоров Матюниным был подготовлен своего рода итоговый отчет, включавший весь комплекс документов по этому делу. Вернувшись в урочище

⁴⁵ Там же. Л. 43 об.

Новокиевское, Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае немедленно отправил донесение о результатах переговоров в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири и, соответственно Командующему войсками Восточного Сибирского военного округа, а точнее, временно исполнявшему обе должности генерал-лейтенанту Константину Николаевичу Шелашникову, поскольку назначенный незадолго до этого на указанные посты генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Анучин еще не успел прибыть к новому месту службы.

Причем отправлено оно было через Пекин, т. е. наиболее быстрым путем в это время года, «так как по Амуру оно вряд ли скоро дойдет до Иркутска»⁴⁶. В нем Н. Г. Матюнин вкратце описал ход переговоров и их основные результаты. Там же он писал, что «если воспользоваться обнаруженным положением дел на китайской границе, возможно требовать в будущем с их стороны более правильной обстановки надзора. До тех пор пока у Китайцев не будет выставлено достаточное число конных караулов, неизбежно следует разрешить нашим отрядам переход границы при преследовании хунхуз, ибо иначе погоня будет обыкновенно безуспешною. Пользуясь случаем имею честь обратиться благосклонное внимание Вашего Высокопревосходительства на следующие обстоятельства: я предлагал Комиссии проехать совместно со мной до места сечи собственно для того, чтобы доказать, что Майор Ножин шел по следам хунхуз; это было бы для меня довольно затруднительно, но я имел намерение, ориентируясь на месте, узнать насколько это место удалено от границы. Читая подробную карту, имеющуюся у меня, мне кажется, что сеча произошла не более 10–15 верст от границы, которую в этом месте служит водораздельный хребет. Я не имел никогда случая и возможности пройти границу от Суйфунского до Турьего Рога, и никто здесь не знает настоящей граничной линии, тогда как это совершенно необходимо. Не признаете ли Ваше Высокопревосходительство возможным, командировать для этой цели специального топографа, возложить на начальника кордонной линии проторить тропу по самой границе, поставить на ровных местах какие-нибудь видимые знаки, а в лесистых местностях прорубить просеку. Такая мера, ознакомив нас с действительной границею, предотвратила бы возможность в будущем перехода границы по неведению ея. Нинггутаиский Мэйрэн-Дзянчин не уполномочен вступать в переговоры

⁴⁶ Там же. Л. 21 об.

о правильной обстановке границы; при этом он несколько раз говорил мне и теперь и ранее, что Гиринский Дзянь-Дзюнь тормозит это дело и не пропускает его представлений о необходимости иметь на границе более густую цепь военных караулов. Так как и я с своей стороны не имел достаточно веских данных, то ограничился только требованием, чтобы Нинггута́йский Мэйрэ́н-Дзя́нчин вышел опять с представлением об учреждении караулов хотя бы в тех местностях, где таковые имеются у нас. На Суйфуне при мне поставлен Китайский Караул при офицере V степени из пятидесяти солдат. Я имел честь подробнее говорить относительно наших караулов в Высочайше командированным в Восточную Сибирь Генерал-Майором Тихменевым, и выслал ему по его желанию Краткую записку, дополняющую доклад Войскового Старшины Винникова [следующий командир Уссурийской конной казачьей сотни и, соответственно, начальник кордонной линии. — *Р. А.*]. Если мое предположение осуществится и будет здесь устроена настоящая цепь караулов, то для успеха службы на границе необходимо сверх того чтобы и Китайское Правительство поставило соответствующие нашим караулы — хлопотать об этом через Нинггута́йского Мэйрэ́н-Дзя́нчина бесполезно и он сам говорил мне, что только высшее Правительство может заставить Гиринского Дзянь-Дзюня назначить необходимые для сего войска и отпустить фонды на постройку помещений»⁴⁷.

Заканчивался этот документ констатацией того, что «Нинггута́йский Мэйрэ́н-Дзя́нчин решительно заявил» Н. Г. Матюнину, что «он не может изменить существующего по договору порядка ведения дел через Хунчун и что необходимо предложение высшего правительства, чтобы обезопасить тракты и установить почтовое сообщение из Нинггута́й в Никольское. О переговорах моих с Нинггута́йским Мэйрэ́н-Дзя́нчином по поводу текущих дел, я буду иметь честь подробно донести Вашему Высокопревосходительству почтою 14го сентября 1879 г. № 225»⁴⁸. С этими же документами ушел в столицу Китая и полный комплект их копий, который должен был как предоставить подробнейшую информацию об этом инциденте, так и сообщить об окончательном разрешении данного вопроса Российской императорской Миссии в Пекине, которую также следовало держать в курсе подобных происшествий.

⁴⁷ Там же. Л. 20 об. — 22.

⁴⁸ Там же. Л. 21 об.

Копия же с отчета от 2 ноября 1879 г. была направлена Военному губернатору Приморской области контр-адмиралу К. Ф. Эрдману, однако ее движение «было замедлено отправлением из урочища Новокиевского почты вследствие распутицы»⁴⁹. Примечательно, что, как написал ему Матюнин, «предписание Господина Генерал-Губернатора Восточной Сибири относительно этой моей командировки, получено мною только 10го Октября с. г. так что руководствоваться им не пришлось»⁵⁰. Самому генерал-губернатору он это написать, видимо, не решился.

Кроме того, после того, как исполняющий обязанности Командующего войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-лейтенант К. Н. Шелашников сообщил во внешнеполитическое ведомство, что переход границы российским отрядом, по заверению Военного губернатора Приморской области контр-адмирала Г. Ф. Эрдмана, вызывался «необходимостью», его поставили в известность, «что несмотря на это, оно, по соглашению с Военным Министром, не находит возможным предоставить нашим пограничным начальникам право перехода границы по их личному усмотрению». Уведомление об этом из Главного управления Восточной Сибири было отправлено Эрдману 2 февраля 1880 г.⁵¹

Собственно на этом вся история «сечи при Шитэулине» могла благополучно закончиться, однако китайцы решили продолжить настаивать на компенсациях. 18 октября 1879 г. китайский МИД вручил очередную ноту «по предмету столкновения казачьего отряда Майора Ножина с Китайскими регулярными войсками в местности близ Шитэулинского хребта» российскому поверенному в делах в Пекине А. И. Кояндеру, попавшему из-за этого в весьма затруднительное положение.

Дело в том, что, по предоставленной Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюниным Императорской Российской миссией в Пекине информации, его переговоры с китайцами имели успех и завершились окончательным решением данного вопроса. О недовольстве китайской комиссией итогами переговоров и о каких-то новых инцидентах на границе, о которых сообщали китайские министры, в миссии не имели ни малейшего представления.

Таким образом, российскому поверенному пришлось импровизировать, что вообще-то в то время случалось достаточно часто.

⁴⁹ Там же. Л. 19.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 94–94 об.

С одной стороны, он «ответил китайцам в бумаге», что не имеет «пока никаких сведений по этим делам», но что представит «переводы их сообщений нашему пограничному начальству с просьбою произвести расследование и о последующем меня уведомить». С другой — немедленно подготовил переводы всех документов на русский язык и направил на имя Военного губернатора Приморской области отношение № 117, от 16 ноября 1879 г., к которому и были приложены копии этих документов.

Весьма показателен для характеристики общей ситуации в регионе способ, которым пакет с этим отношением и комплектом копий указанных документов переправлялся Военному губернатору Приморской области, резиденция которого до лета 1880 г. находилась в Николаевске-на-Амуре. Телеграфного сообщения этого города с Пекином тогда не было, регулярного пароходного сообщения тоже, а между тем вопрос требовал безотлагательного решения. Поэтому А. И. Коляндер поступил, как ранее Матюнин: отправил бумаги через китайских начальников в Маньчжурии Пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае для последующей передачи Военному губернатору, еще раз констатировав, что «это наиболее скорый способ сообщения с Приморской областью в настоящее время года». Причем он еще и попросил доставить ему все необходимые сведения «этим же путем»⁵².

Нужно отдать должное китайским властям: пакет прибыл в Южно-Уссурийский край достаточно быстро, и притом в целости и сохранности.

Что касается Шитэулинского инцидента, то копия «Сообщения Китайских Министров Российско-ИМПЕРАТОРСКОМУ Поверенному в Делах в Пекине от 18го октября 1879 года», как, собственно, и само «Сообщение...», представляло собой пересказ содержания второго доклада по этому делу, «представленного Гиринским Цзянь-Цзюнем Богдыхану» с интерпретационными комментариями высших китайских сановников.

Начиналось «Сообщение...» с напоминания российскому представителю о первом обмене бумагами с ним по этому делу, после чего начиналось цитирование. Гиринский Цзянь-цзюнь сообщал, что, в соответствии с последовавшими после предыдущего доклада распоряжениями из Пекина, он командировал Нингутского футудуна и еще нескольких чиновников «для подробнейшего и тщательнейшего исследования Шитэулинского дела». Поспеш-

⁵² Там же. Л. 7–8.

но прибыв в район происшествия, они «приступили к расследования дела, опросам кого следует и удостоверениям на месте»⁵³.

После окончания расследования футудун вместе с чиновниками представили в Гирич «в сообщениях и донесениях результаты расследования». Которые на этот раз представлялись им следующим образом: «Участовавшие в Шитэулинском деле офицеры и солдаты заявили все единогласно так: 22 числа 5-й луны (30 июня 1879 г.) Китайский отряд преследуя разбойников, одержал над ними победу. В сумерки, отряд наш, продолжая преследовать разбойников, дошел до холмистой местности, где, за невозможности двигаться в такую пору вперед, остановился лагерным порядком. На другой день, рано утром, все горы были покрыты облаками и туманом. [Важнейшая деталь, которая почему-то ни разу не всплывала во время переговоров. Дело в том, что летом в этом регионе плотность туманов может быть чрезвычайно высокой. Настолько, что видимость не будет превышать нескольких метров, в силу чего даже идущий в 2–3 метрах впереди человек может смотреться как едва различимый силуэт, а на расстоянии в 5 метров уже полностью исчезать в белом мареве! — *Р. А.*] Вокруг оказался русский отряд численностью в несколько десятков людей из-за своего восточного ущелья и стремительно напал на наш лагерь, предался избиению людей и захватыванию в плен. Офицеры и солдаты нашего отряда, совершенно соблюдая трактаты не осмелились оказать Русскому отряду вооруженного сопротивления. После этого нападения у нас в отряде оказалось много убитых и раненых. Командир нашего отряда, Дя-шунь, пал во время нападения. Были зарублены латники: Гуй-лян, Дя-лин, А-чан-цай, вольноопределяющиеся канониры: Ни-ван-фу, Ван-жун; из следовавших за отрядом маркитантов и погонщиков — 16 человек, как то: Ван-юн и другие. Оказались ранеными: караульной службы субалтерный офицер Юн-шен, латник Си-чжу, вольноопределяющихся 41 человек, канониров, погонщиков и маркитантов 56 человек, как то: Чжао-го-пин, Чжан-фу, Син-ци-ю и другие. Сверх исчисленных есть еще много убитых между купцами и простолюдинами, но обо всех этих личностях собрать тоже справки в такое короткое время оказалось невозможным»⁵⁴.

Далее следовало описание переговоров с Пограничным комиссаром в Южно-Уссурийском крае и анализ их результатов, тоже

⁵³ Там же. Л. 9–9 об.

⁵⁴ Там же. Л. 9 об. — 10 об.

в весьма своеобразной интерпретации. «Когда футудун города Нингуты и прочие прибыли в Сан-ча-коу, там уже был русский чиновник. На многих свиданиях Футудуна и прочих с Комиссаром было преступлено к обсуждению всех обстоятельств происшествия. После многократных рассуждений Русский чиновник выразил перед Футудуном, что в настоящем случае дело представляется так: из Русских пределов был выслан отряд для преследования разбойников. Русский отряд перейдя границу прибыл в Ши-тоу-лин, где, ошибочно приняв Китайский отряд за разбойничий стан и пользуясь суматохою в Китайском лагере, по недоразумению стал истреблять Китайский отряд. Комиссар передал Футудуну, что все офицеры отряда Русского отрешены уже от командования и вызваны в пределы государства. Кроме таких словесных заявлений Комиссар передал Футудуну письменное заявление, в котором выражается, что Шитэулинское дело, где оказались убитыми и ранеными чины Китайского отряда, поистине произошло от ошибки и недоразумения, что он, Комиссар, не может принять на себя почин в постановке решения, какое следует делать по этому делу, а должен вернуться в Русские пределы и с подробным и ясным изложением обстоятельств происшествия доложить обо всем Командующему войсками и Губернатору Приморской области и что о резолюции Губернатора будет особо сообщено Футудуну. Комиссар, ограничившись переговорами и перепискою, изложенными здесь отправился в обратный путь в Россию. Тогда Футудун с прочими возвратились к вверенным им постам и представили только что изложены сведения, а также препроводили ко мне полученное им от Русского чиновника сообщение.

Из представленных мне Футудуном и прочими сведений видно, что убитых при Шитэулине офицеров, солдат, торговцев и простолюдинов, следовавших за отрядом, всего 24 человека, тяжело раненых больше 90 человек. Обстоятельства происшествия возбуждают глубокое сожаление к жертвам жестокости. Видно также, что Русский чиновник, хотя и признал ошибку и недоразумение Русской стороны, но исход дела все еще остается невыясненным, а между тем Русский чиновник уже возвратился в пределы своего государства. Я нахожу, что если не определить с полной точностью статьи о переходе границы и не предложить к исполнению прежде существовавшие порядки касательно перехода границы, то трудно будет вести дела, которые будут встречаться. Вместе с этим мною составлен с должным вниманием отчетливый список убитым при Шитэулине офицерам и солдатам,

с обозначением чина, фамилии, имени, знамени и роты каждого лица. [Достаточно сомнительно, поскольку Н. Г. Матюнину, несмотря на все его просьбы, подобный список так и не был представлен. — Р. А.] Представив вышеизложенное вместе с списком на воззрение его Богдыханского Величества, считаю нужным обо всем сообщить и в Министерство Иностранных Дел для надлежащего сведения»⁵⁵. Как видно, это описание немного расходится с тем, что было выяснено в ходе русско-китайских переговоров.

Прочитывая доклад, китайский министр напомнил, что Кояндер уже отвечал ему письменно, после чего, при его посещении министерства 4 августа 1879 г. (29 числа VI луны) сановники уже лично заявляли ему об обстоятельствах данного инцидента и передавали ему просьбу «о тщательном исследовании этого происшествия»⁵⁶.

Однако теперь, после получения в министерстве второго доклада Нингутского футудуна «видно, что при Шитэулине погибло очень много людей, что русский чиновник входил в неоднократное обсуждение этого дела с Китайскими властями и даже в письменном сообщении признал ошибку Русских, но тем не менее это дело все еще состоит неприведенным к соглашению обеих сторон, к окончанию». Поэтому «Министерство ныне придавая должное значение этому важному пограничному делу имеет честь выразить свое искреннее опасение, как бы в случае не наложения на виновных Шитэулинского происшествия наказания, как то требуется трактатами, взаимные истребления пограничными людьми обеих сторон друг друга не обратились в постоянное явление, что, конечно, отразилось бы на духе дружбы и согласия обеих Государств»⁵⁷.

Китайцы настоятельно просили А. И. Кояндера проинформировать свое правительство «о справедливом и согласном с трактатами решении настоящего дела» и добавляли: «Известие же о том, каким образом это дело привести к соглашению, основанному на взаимном соглашении, Министерство надеется получить в скором времени через Вас, Господин Поверенный в делах. Министерство вполне льстит себя надеждой, что, при постановлении окончательного приговора, будет принято во внимание, что это происшествие окончилось потерей стольких жизней, а равно надеется, что решение будет такого рода, что только укрепит дру-

⁵⁵ Там же. Л. 10 об. — 11 об.

⁵⁶ Там же. Л. 11 об.

⁵⁷ Там же. Л. 12.

жественные отношения»⁵⁸. Таким образом, китайцы, во-первых, продолжали упорно настаивать на материальных компенсациях, а во-вторых, по-прежнему перекладывали всю ответственность за инцидент на российскую сторону, совершенно не обращая внимания на проблему китайского этнического бандитизма на российской территории, которую надо было как-то решать. Все предложения Матюнина по обустройству границы со стороны Китая, постановке там военных караулов и активизации борьбы с хунхузами Цинские чиновники просто проигнорировали. В общем, китайцы в очередной раз настаивали на лечении симптомов болезни, вместо самой болезни. Немаловажно и то, что никаких компенсаций от китайских властей жертвы хунхузов, пострадавшие от их деятельности на территории Южно-Уссурийского края, никогда не получали.

Умения ориентироваться в ситуации, при отсутствии достаточных для принятия решения данных, российскому императорскому поверенному в делах в Пекине было не занимать. В своем ответе (сообщение Российско-Императорского Поверенного в делах в Пекине Китайским министрам от 3 ноября 1879 г., за № 39) он использовал тот же дипломатический прием, что и сами китайцы, — начал излагать свою точку зрения вместо ответа на четко поставленный вопрос, тем более что делать какие-либо предложения относительно компенсаций за Шитэулинский инцидент он уполномочен не был.

Он еще раз констатировал, что 1 августа 1879 г. уже сообщал Цзунлямяню, что, по полученным им из Восточной Сибири сведениям, «означенное столкновение произошло вследствие недоразумения, так как отряд перед нами, преследовавший разбойников, частые вторжения которых на нашу территорию не могли наконец не побудить нас принять энергические меры для охраны наших подданных от насилия и грабежей, принял ошибочно лагерь войск Почт. [енного] Государства за стойбище разбойников и врасплох напал на этот лагерь. Как только ошибка была открыта, так отряд наш немедленно же отступил. Кроме этих сведений вполне согласных с тем, что сообщил наш Комиссар, при съезде на Шитоулине с Футудуном округа Нингуты, мною до сих пор не получено никаких известий»⁵⁹.

После этого А. И. Кояндер снова письменно напомнил китайским министрам обо всем том, о чем они, очевидно, запомнито-

⁵⁸ Там же. Л. 12 об. — 12 об.

⁵⁹ Там же. Л. 17–17 об.

ли, а именно, что «Гиринский Цзян-цзюнь не нашел возможным разделить мнение Г. [осподин] Генерал-Губернатора Восточной Сибири, сообщенное мною Почт. Князю и Сановникам в письме от 24 Ноября прошлого года [т. е. 1878 г. — *Р. А.*] о пользе учреждения Китайских постов против каждого нашего пограничного караула. В бумаге Почт. Министерства от 9 Августа сего года приводится донесение Цзян-цзюня Мин, в котором он считает существующее количество караулов вполне достаточным. Не говоря уже о том, что многочисленный опыт доказал, что или число караулов недостаточно, или места их расположения не довольно удачно выбраны для того, чтобы обеспечить наши пределы от вторжения разбойников, прискорбное недоразумение, случившееся на Шитоулине доказывает как нельзя более ясно, полнейшую справедливость мнения нашего Генерал-Губернатора. В самом деле, если бы Китайские государственные пикеты существовали на самой границе, то преследование на Китайской территории шаек инсургентов, нарушающих наши пределы совершалось бы Китайскими пограничниками, а не нашими отрядами, пределы движения которых были бы в том случае строго определены и столкновение между войсками обеих государств, вследствие ошибочности одной из сторон было бы невозможно. При настоящих же условиях между Русскими и Китайскими караулами существует незанятое пространство по которому могут свободно расхаживать разбойники, нападением которых наконец стало необходимо положить конец. Что же удивительного в том, что Русский отряд преследовал грабителей в этом незанятом пространстве и нечаянно наткнувшись на Китайское войско, о движении которого он ничего не знал и присутствии которого, вследствие прежней бездеятельности Китайских пограничных Начальников, он не мог ожидать в этих местностях? При этом трудно упустить из виду, что перебежчики от разбойников конечно воспользовались этим случаем, чтобы ввести в заблуждение Начальника отряда и вызвать это столкновение. [Это утверждение документального подтверждения не находит, хотя полностью исключить подобный вариант, очевидно, тоже нельзя. Скорее всего, задержанные майором Ножиным по пути хунхузы ничего не знали о разгроме основной шайки, поскольку, как свидетельствует рапорт командира сотни, всячески старались увести его отряд в другом направлении, а нужное показали лишь после того, как на них надавили. — *Р. А.*]

Какова бы, впрочем, ни была причина, вызвавшая это недоразумение, ИМПЕРАТОРСКОЕ Правительство не может не выра-

зять Почт. [енному] Правительству своего сожаления по поводу этого случая. Им, по получении донесения о случившемся, посланы были немедленно же предписания о том, чтобы отряды наши, при преследовании разбойников, не переходили на территорию Почт. Государства, о чем я считаю долгом уведомить Почт. [енное] Министерство, выразив при этом надежду, что последнее, с своей стороны предпишет Гириным властям принять действительные меры к тому, чтобы грабительские шайки не нападали на Русские пределы».

Далее российский посланник пообещал сообщить в Петербург все обстоятельства этого дела, где Правительство, приняв во внимание данные, полученные от «наших пограничных властей, конечно постановит по этому вопросу справедливое решение». Причем Кояндер констатировал, что прибывающая в российскую столицу на переговоры по проблеме Илийского края китайская делегация узнает это решение и сообщит о нем Цзунлиямыню раньше него⁶⁰.

Когда все эти документы к 20 февраля 1880 г. добрались наконец до путевой канцелярии Военного губернатора, начальство Приморской области было, очевидно, несколько удивлено их получением, поскольку считало Шитэулинский инцидент давно исчерпанным и не заслуживающим дальнейшей внешнеполитической переписки⁶¹. В то же время проблема хунхузничества в Южно-Уссурийском крае продолжала оставаться актуальной, поскольку никаких серьезных мер для ее окончательного решения китайские власти так и не предприняли, поэтому Военный губернатор Приморской области контр-адмирал Г. Ф. Эрдман решил воспользоваться случаем и еще раз напомнить китайскому руководству о российских предложениях по активизации борьбы с хунхузами, через посредство российского поверенного в делах в Пекине, написав ему буквально все, что он об этом думает. А поскольку А. И. Кояндер в своем ответе китайцам, в очередной раз, при минимуме информации, сделал упор именно на те аспекты, на которые следовало, то появились реальные шансы все-таки дожать китайских чиновников и начать решение наиболее проблемных вопросов приграничных взаимоотношений.

Таким образом, в отношении № 1185 от 24 февраля 1880 г., направленном Российскому императорскому Посланнику

⁶⁰ Там же. Л. 17 об. — 18 об.

⁶¹ Там же. Л. 6.

при Пекинском Дворе, Военный губернатор писал: «...по поводу случайного столкновения нашего отряда в местности близ Шитоулинского хребта с Китайским Правительственным отрядом считаю должным объяснить Вашему Превосходительству, что обстоятельство в приложенной копии с сообщения Китайских Министров, от 18 Октября того же года под литерой А всецело изложено в своих интересах»⁶².

Далее Г. Ф. Эрдман еще раз приводил подробное изложение причин и хода Шитэулинского инцидента, в значительной мере просто пересказывавшее телеграмму Ножина № 27 от 3 июля 1879 г., копия которой также была приложена к отправляемым в Пекин документам.

«...Дело это, — продолжал Военный губернатор, — по распоряжению Генерал-Губернатора Восточной Сибири расследовалось нашим Пограничным Комиссаром в Южно-Уссурийском крае совместно с Комиссиею Китайских чиновников, под председательством Нинггутаевского Футудуна Шувана; результаты этого обстоятельства настолько выяснились ясно, что не требует более никакого дальнейшего расследования, и всякие юридические доводы в данном случае не могут служить безусловно верными подтверждениями, так как всякая сторона постарается возможными способами выгораживать себя перед своими Правительствами, что и подтверждается уже полученными бумагами от Китайских властей; но я с своей стороны нахожу следующее: Если бы Китайские пограничные власти имели на своей стороне границы надлежащий надзор и удовлетворительную военную силу, вооруженную в военном смысле, тогда их разбойничьи шайки не переходили бы в таком количестве в наши пределы и не производили бы грабежей и разбоев, и не тяготели бы над нашим Уссурийским краем более 10 лет. Китайские министры в своем отзыве по Шитоулинскому делу придают особое значение числу случайно убитых, при нападении на их отряд, ни чем не выражавшийся в значении войска, от несчастной ошибки, вызванной бездеятельностью Китайских властей по отношению охранения границы. Между тем в течении этих 10 лет сколько невинных жертв пало от рук хунхузов и даже в настоящее время 8 человек пострадавших от разбоев хунхузов находятся на излечении в Владивостокском военном госпитале; не говоря уже о прежних жертвах, которых считаются сотни. Кроме того, что хунхузы наносят частный материальный ущерб населению Уссурийского края, вместе с тем составляют постоянное

⁶² Там же. Л. 75.

затруднение для нашей администрации, вопрос о постоянной посылке наших военных отрядов для преследования этих хунхузов, чем наносится прямой ущерб Русскому Правительству. [...]

Шитоулинское дело я отношу не к умышленному столкновению, а к прискорбной ошибке, омрачившей старую службу Майора Ножина на Кавказе, который за это дело получил весьма жестокое наказание, был устранен от командования военною частию. И чтобы не повторилось более таких ошибок, буду просить Вас, Милостивый Государь, объяснить перед Китайским правительством, что переходящие через нашу границу их разбойничьи шайки далеко более принося нам вреда и убытка чем приведенный ошибочный случай, при Шитэулинской местности...»

Кроме того, в Пекин была отправлена копия с донесения Пограничного Комиссара Н. Г. Матюнина № 225 и копии всей его переписки с китайскими чиновниками, посланными расследовать этот инцидент.

«Из этих бумаг, — писал Военный губернатор Приморской области, — Ваше Превосходительство усмотрит разницу между донесениями Китайских чиновников, сделанными Пекинским Министром и в переводах препровожденных ко мне при Вашей бумаге за № 117 и донесением нашего чиновника Матюнина; при этом я желал бы, если Ваше Превосходительство найдете удобным, чтобы перевод донесения Матюнина был бы сообщен Китайским Министрам, для обнаружения истины и неправильности выводов Китайских чиновников, бывших на разборе Шитоулинского дела, и изложивших его вполне в своих интересах...»⁶³.

После окончания переговоров по Шитэулинскому инциденту, деятельность местных российских властей, направленная на предотвращение повторения подобных случаев, происходила по нескольким направлениям.

Во-первых, к 8 июня 1880 г. совместными усилиями Военного губернатора Приморской области Г. Ф. Эрדмана, Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Н. Г. Матюнина и нового командующего Уссурийской конной казачьей сотней войскового старшины Г. В. Винникова была разработана специальная «Инструкция для исполнения кордонной службы на границе с Маньчжурией в Южно-Уссурийском крае», которая четко и очень подробно регламентировала порядок охраны сотней русско-китайской границы⁶⁴. Относительно случаев ухода хунхузов

⁶³ Там же. Л. 75–78 об.

⁶⁴ Там же. Л. 150–153.

с российской территории в Китай, в инструкции указывалось, что «если бы шайка скрылась за границу, то караулы, ранее получившие известие о ее появлении, не останавливаются в совершении усиленных разъездов по границе, не переходя ее, пока не будет дознано, что шайка окончательно ушла внутрь соседней страны»⁶⁵. Таким образом, любой несанкционированный переход границы сопредельных государств чинам Уссурийской конной казачьей сотни, как, впрочем, и других частей войск, был категорически запрещен.

Во-вторых, маленькая авантюра Матюнина увенчалась полным успехом. Написанные Военным губернатором Приморской области на основе его рапорта и отправленные в Пекин документы определенно были переданы Российским посланником в Пекине высшим китайским сановникам, поскольку обсуждение вопросов о постановке китайских пограничных караулов и необходимости активизации антихунхузнической борьбы двух стран неожиданно возымело успех. В китайской столице состоялись переговоры правительства Дайцинской империи с А. И. Кояндером, в результате которых вдоль границы Южно-Уссурийского края напротив российских пограничных военных постов появились, наконец, китайские караулы.

Более того, как сообщал Военному губернатору Приморской области в отношении № 247 от 29 мая 1880 г. Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае, «высшее китайское правительство» предложило на основании результатов этих переговоров «Полковому Командиру Хунчунской области войти в соглашение» с Н. Г. Матюниным, чтобы «наши пограничные караулы «каждые 10 дней обменивались сведениями о движении хунхуз с соответствующими Китайскими караулами, а в случае появления шаек, совокупными действиями уничтожить эти шайки»⁶⁶.

Матюнин узнал об этом от Нингутского футудуна и, естественно первым делом сообщил эту радостную новость «в копии с перевода Начальнику Кордонной линии, т. е. Командиру Уссурийской Конной Казачьей сотни». Однако здесь возникла загвоздка уже с российской стороны. После столь резонансного скандала с Шитэулинским инцидентом и снятием с должности майора Ножина, новый командир Уссурийской конной казачьей сотни — Г. В. Винников наотрез отказался дать согласие на переход даже отдельных чинов своей части через границу для лю-

⁶⁵ Там же. Л. 152.

⁶⁶ Там же. Л. 133.

бых целей, будь то сообщение китайским караулам информации о передвижении хунхузских банд или борьба с этими самыми бандами. Тем более, что подобный переход был категорически запрещен предписанием Военного министра.

Причем Винников ответил Матюнину в достаточно категоричной форме: «Взаимные действия наших отрядов с отрядами манджурскими по преследованию хунхуз, в виду полученных распоряжений, могут выразиться лишь в сообщении ближайшему караулу о появлении в известной местности хунхуз, но отнюдь не в совместном их преследовании; а за неимением на Караулах переводчиков, поездки в места расположения манджурских караулов не могут принести никакой пользы; притом еще условия, что переход границы нам безусловно запрещен, а следовательно мы не можем допустить такового для манджурских отрядов. Полагаю возможным допустить свидание и обмен сведений только в известных местах на самой границе. В противном случае вопрос этот требует разрешения высшего начальства»⁶⁷.

Матюнина это сильно задело, ведь он обо всем договорился с Нингутским футудуном и был уверен, что никаких проблем возникнуть не должно. 29 мая 1880 г. разъяренный Пограничный комиссар написал по этому поводу напрямую новому Военному губернатору Приморской области генерал-майору Михаилу Павловичу Тихменеву: «Имею честь обратить внимание Вашего Превосходительства, на то обстоятельство, что давать знать китайскому правительству о безусловном восприятии нашим отрядами перехода границы, когда оно само дает нам возможность бывать на их караулах, а следовательно и следить за возможными изменениями численного состава караулов, по меньшей мере бесполезный педантизм. Хотя я не ожидаю от периодического обмена сведениями на караулах большой пользы делу, считая также невозможным совместное преследование шаек, а только совокупные действия по обе стороны границы, но полагаю, что нам не следует вовсе запирается границей и если Г^н Военный Министр запретил отрядам переход границы, то понимаю это распоряжение так, что он только имел пресечь возможность повторения Шитэулинского дела. Так как Г^н Начальник Кордонной линии считает невозможным принять, своим почином, меру, предлагаемую Китайскими властями, а я считаю неловким отказать Мэйрэн-Дзанчину, то обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою решить этот вопрос [и] не оставить

⁶⁷ Там же. Л. 133–133 об.

меня предположением»⁶⁸. Впрочем, вскоре, из-за дальнейшего обострения Кульджинского кризиса и активизации подготовки обеих государств к войне, все действующие лица этого спора, от Военного министра до командира сотни, переключились на обсуждение численности и вооружения китайских отрядов, перебрасываемых к границам Южно-Уссурийского края, а также мер по возможному противодействию внезапному нападению.

В-третьих, российские власти в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке начали разрабатывать вопрос о приведении в порядок самой границы, местоположение которой на местности к концу 70-х гг. XIX в. точно не знал никто. Вообще, до Шитэулинского инцидента пересечение российскими войсками (как, впрочем, и китайскими разбойниками — хунхузами) русско-китайской границы не было чем-то необычным и происходило, выражаясь современным языком, в рабочем порядке, по мере необходимости. Теперь же международный скандал положил этой практике конец, и вопрос о границе нужно было разрешать, причем срочно.

После рассмотрения цитированного выше рапорта Матюнина, дальнейшее «первичное» изучение этого вопроса было возложено на местного младшего межевого ревизора коллежского советника Махова, который, ознакомившись с ситуацией, пришел в дикий ужас. Разобраться в ней самостоятельно, не имея под рукой подлинников всех необходимых документов, он так и не смог. В своем рапорте генерал-губернатору Восточной Сибири Д. Г. Анучину № 411 от 11 сентября 1880 г. он рисует картину, близкую к катастрофической: «Проложение в натуре государственной границы от поста Турьего рога до устья р. Тумынь-дзянь, по мнению моему может начаться не прежде решения вопроса по каким именно местам должна она быть проведена: т. е. по тем ли, кои описаны 1^ю статьею договора, изложенного в **ВЫСОЧАЙШЕМ** указе, данном Правительствующему Сенату 26го Декабря 1860 г. [т. е. Пекинского договора 1860 г. — *Р. А.*], или по тем, которые черною краскою обозначены на карте подписанной уполномоченными обеих государств (копии с карты мною не отыскано) или же наконец, по тем шести пограничным знакам, урочищам и одной меже, которые значутся на карте составленной в 1861 г. чинами местного Военно-Топографического отдела.

С разрешением этого вопроса, необходимо будет разрешить и другой вопрос, не меньшей важности, а именно: как следует поступить, при положении границы в том случае, когда погра-

⁶⁸ Там же. Л. 133 об.

нические знаки (двадцать лет назад поставленные) не будут согласоваться с текстом или документом [т. е. картой, приложенной к договору. — *Р. А.*] самого договора»⁶⁹.

Впрочем, последний вопрос носил скорее академический интерес, поскольку большая часть поставленных во время первого размежевания 1860 г. деревянных пограничных знаков была к этому времени утрачена, а по вопросам их местоположения велись вялотекущие дискуссии⁷⁰.

Дальнейшая история этой проблемы и ход ее решения в этой работе рассматриваться не будут, поскольку прекрасно изучены отечественными учеными⁷¹. Отмечу лишь, что подобное положение дел продолжалось вплоть до завершения демаркации этого участка границы и установления новых пограничных знаков специальными уполномоченными обеих стран осенью 1886 г.

В-четвертых, на территории Южно-Уссурийского края резко активизировалась деятельность местных властей по контролю за китайским населением, которое решили, наконец, заставить признавать законы Российской империи и подчиняться распоряжениям местного российского, а не китайского начальства. Изучение их численности и выдача им паспортов сопровождалась радикальными мерами российских дальневосточных властей по борьбе с хунхузничеством во всех его проявлениях.

* * *

Характерно, что в дальнейшем Шитэулинский инцидент практически никогда не упоминался. Сведения о нем не попали в российскую периодику того времени, его не использовали как аргумент и не вспоминали при дипломатических переговорах даже по самым острым темам. Упоминаний о нем не удалось найти ни в одной отечественной работе по истории Кульджинского кризиса и русско-китайских переговоров в Ливадии и Санкт-Петербурге, в течение которых он, видимо, не всплыл ни разу⁷². Вообще, создается впечатление, что обе страны сделали все

⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 2–3 об.

⁷⁰ Матусовский З. Указ. соч. Прил. 1. С. 1–3; Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 58.

⁷¹ Дацышен В. Г. Указ. соч. С. 58–62; Границы Китая: история формирования... С. 119–125.

⁷² См., напр.: Воскресенский А. Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995; Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.

возможное, чтобы не напоминать друг другу об этом досадном недоразумении.

Три месяца спустя, после отказа Китая ратифицировать Ливадийский договор 1879 г., резко обострившийся Кульджинский кризис, последовавшая за этим подготовка обоих государств к войне на всем протяжении взаимных границ, а затем и успешное разрешение этого кризиса подписанием Санкт-Петербургского договора 1881 г. практически полностью затмили маленький инцидент «в местности Сан-ча-коу». Инцидент, который в действительности стал катализатором многих важнейших процессов, протекавших в Северо-Восточном Китае и российском Южно-Уссурийском крае в 80–90-х гг. XIX в., и способствовал началу постепенного решения значительной части застарелых проблем двусторонних отношений Российской империи и Китая.

Относительно последствий Шитэулинского инцидента можно сделать и еще одно предположение. В переведенных китайских документах проскальзывает не только недовольство китайских чиновников российскими военными, но и обида на них. Обида за то, что им так легко удалось нанести поражение маньчжурским войскам, превосходившим их по численности, применяя одно только холодное оружие. Уж не поэтому ли одной из первых мер, принятых китайским правительством после отказа ратифицировать Ливадийский договор при подготовке войны с Российской империей, в том числе и на дальневосточном театре, стало начало авральной замены маньчжурских войск и чиновников в Северо-Восточном Китае непосредственно китайскими⁷³? Ведь после «сечи при Шитэулине» было очевидно, что против русских войск маньчжурские бессильны, да и авторитет последних в результате этого столкновения был серьезно поколеблен в глазах как местного населения, так и властей.

Еще важнее другое — даже подобное досадное недоразумение, приведшее к значительным жертвам со стороны Китая, оказалось неспособно поколебать сложившихся за почти два столетия дружественных отношений между двумя государствами. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на всю горечь и досаду от произошедшего, а также обиду на русских, генералу Юнхаю даже в голову не пришло наносить ответный

⁷³ Подробнее об этом см.: Дацышен В. Г. Армия и военные реформы в Маньчжурии во второй половине XIX — начале XX в. // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Владивосток, 2010. С. 113–130.

удар по российским населенным пунктам, чего так боялся майор Ножин. Практически все острые вопросы русско-китайских отношений во второй половине XIX в. (Шитэулинский инцидент, Кульджинский кризис, Савеловский вопрос и т. д.) неизменно удавалось решить за столом переговоров, несмотря на все военные приготовления и разработку планов боевых действий с обеих сторон. Китайские власти и войска действительно уважали Российскую империю и российскую армию, соблюдая заключенные между двумя государствами договоры, хотя и пытались трактовать их периодически в свою пользу. Впрочем, этим грешили почти все государства во все времена и эпохи.

Последний вывод из истории этого инцидента еще более современен. Предпосылки, причины, условия и характер столкновения при Шитэулине наглядно показывают, как этнический бандитизм, развившийся на территории одного государства и вышедший за его границы на территорию другого, способен привести к серьезным дипломатическим осложнениям и даже случайным военным столкновениям между войсками обоих государств, даже если их отношения традиционно носили дружественный характер, и как сложно из подобной ситуации выходить.